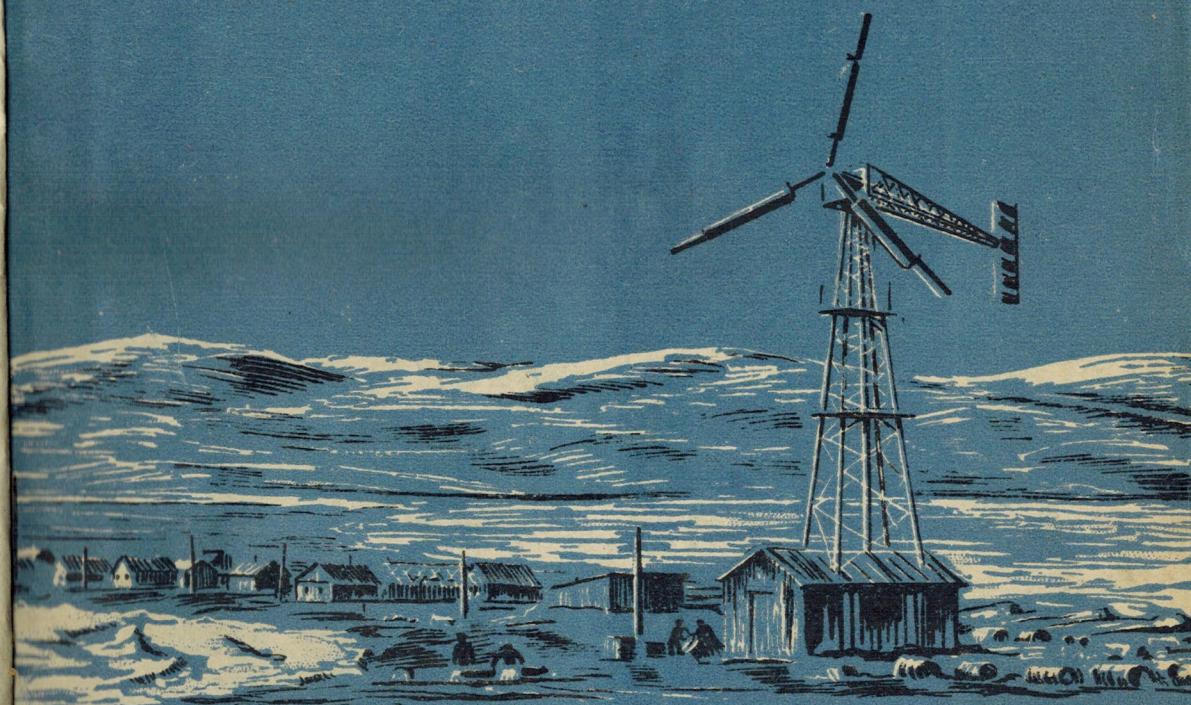

А.И. МИНЕЕВ

ОСТРОВ
ВРАНГЕЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
1946

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	Стр. 3

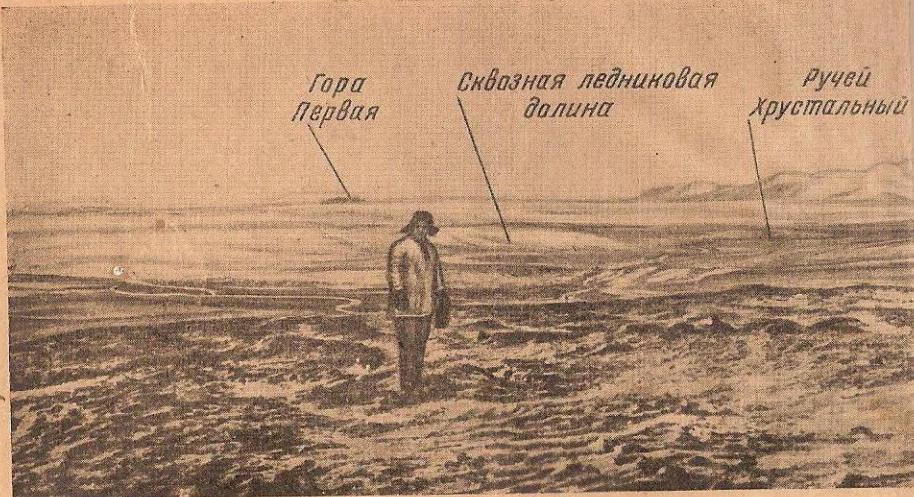
ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ОСВОЕНИЯ ОСТРОВА

<i>Глава I.</i> Как был открыт остров	7
<i>Глава II.</i> Первые исследования острова (1887—1923)	26
<i>Глава III.</i> Экспедиция канонерской лодки „Красный Октябрь“ (1924)	38
<i>Глава IV.</i> Снаряжение первой советской зимовки (1926)	44
<i>Глава V.</i> Поселок в бухте Роджерс	52
<i>Глава VI.</i> Организация промысла, научные разведки Г. А. Ушакова	61
<i>Глава VII.</i> Подготовка смены в 1929 году	77
<i>Глава VIII.</i> Будни нашей зимовки (1930—1931)	90
<i>Глава IX.</i> В ледовой блокаде (1932)	100
<i>Глава X.</i> Подготовка к четвертой зиме	113
<i>Глава XI.</i> Радиодело и врачебная практика	125
<i>Глава XII.</i> Пятый год без смены. Бытовые изобретения	148
<i>Глава XIII.</i> Черная година на острове (1934)	172
<i>Глава XIV.</i> Остров залечивает раны (1935—1936)	182
<i>Глава XV.</i> Люди острова	193
<i>Глава XVI.</i> Таян—хозяин фактории (1936—1937)	210
<i>Глава XVII.</i> Маршруты геолога Л. В. Громова (1936—1937)	216
<i>Глава XVIII.</i> Таян—начальник острова (1938)	232
<i>Глава XIX.</i> Геологоразведочные работы в 1939—1940 годах	243
<i>Глава XX.</i> Остров Врангеля—база экспедиции к «полюсу относительной недоступности» (1941)	253
<i>Глава XXI.</i> На острове в годы Отечественной войны	264

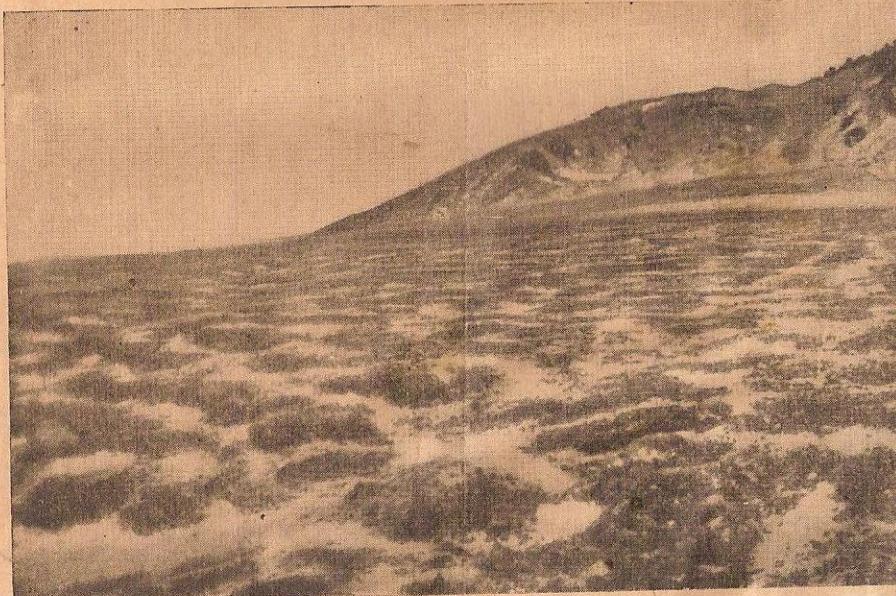
КАРТИНЫ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ НА ОСТРОВЕ

<i>Глава I.</i> Осень	271
<i>Глава II.</i> Собаки и поездки на них	279
<i>Глава III.</i> Песец и охота на него	299
<i>Глава IV.</i> Полярная ночь	310
<i>Глава V.</i> Полярное утро	322
<i>Глава VI.</i> Охота на медведя	331
<i>Глава VII.</i> Птицы	352
<i>Глава VIII.</i> Лето и охота на морского зверя	370
<i>Глава IX.</i> Эскимосы на острове Врангеля	401
<i>Глава X.</i> Условия плавания к острову и у острова	419
<i>Литература об острове Врангеля</i>	<i>429</i>

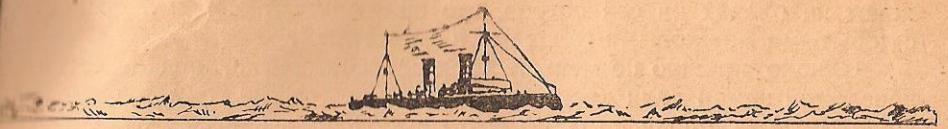
В приложении—панорамы острова (три таблицы).

Вид
Сове

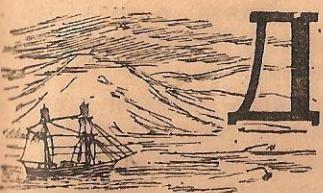

Гора Перкакун в долине реки Мамонтов
вершин гор и полигональны

ГЛАВА I

КАК БЫЛ ОТКРЫТ ОСТРОВ

ДАЛЕКО на крайнем северо-востоке в ледовитом Чукотском море лежит большой советский остров. И хотя природа в том краю сурова и дика, хотя почти десять месяцев в году там властвует свирепая зима, а море, омывающее землю, холодно, бурливо и даже летом покрыто пловучими льдами, — остров этот поистине прекрасен! Всякий, кому посчастливится на нем побывать и поработать, полюбит и на всю жизнь запомнит эту Землю Неизведенную.

Остров Брангеля достоверно известен культурному человечеству всего лишь сто лет с небольшим. Но за этот сравнительно короткий срок его «биография» претерпела множество изменений. Люди, пытавшиеся в свое время добраться к его берегам, вынуждены были преодолевать неимоверные трудности, напрягать все свои силы и волю. Но только редким счастливцам удавалось осуществить свою мечту. Мощные полярные льды долго берегли тайну острова.

Открытию его предшествовал долгий период смутных догадок, слухов, неопределенных исканий неведомой богатой земли, весть о существовании которой разносили по северному побережью Азии давние обитатели этих мест — чукчи, юкагиры и эскимосы.

Уже основатель Нижнеколымского острога Михайло Стадухин в 1645 году сообщал по начальству, со слов какой-то колымской «жонки», что против рек Яны и Колымы находится остров, усматриваемый с матерого берега, и что чукчи с реки Чукочьей (впадающей в Ледовитое море к западу от Колымы. — А. М.) зимою в один день переез-

ают на оленях на сей остров, где промышляют моржей, возвращаясь добытыми моржовыми головами и клыками»¹.

Однако прошло не меньше трёх четвертей века, прежде чем поиски неведомой земли дали кое-какой результат. В 1720 году промышленник Иван Вилегин, бродя на собаках по льду в поисках зверя, посетил один из этих загадочных островов и «нашел землю, токмо не мог знать — стров ли или матерая земля. За беспрестанными сильными ветрами туманом невозможно было ему ездить вдоль по той земле, только риметил он на ней старые юрты и признаки, где прежде юрты стояли, какие люди там жили, о том он не ведает. По его мнению, протянулась земля оная мимо реки Индигирки и Святого Носа до устья реки Яны, с другой стороны простирается мимо Колымского устья до жилищ ялагов, которые суть род чукчей. Сие ему сказал шелагский мужик Копай»².

Позже оказалось, что вновь найденная земля отнюдь не так велика, как это казалось Вилегину. То был один из Медвежьих островов.

Первая четверть XVIII века была богата слухами о Большой Земле северу от Чукотки. Особенно упорно говорили о наличии такой земли северу от устья реки Колымы. Примерно в 1726 году в Петербурге оявился якутский казачий голова Афанасий Шестаков. Его рассказы были, как видно, настолько многообещающими, что уже в марте 1727 года вышел указ правительства сената о назначении Шестакова начальником экспедиции, которой, между прочими задачами, поручалось «отыскание новых земель и островов»³.

Насколько русское правительство интересовалось землями к северу от берегов Чукотки, показывает инструкция, данная Берингу при подготовке его второй экспедиции: «В том же Северном море значит в карте против устья Колымского остров, о котором разглашено, якобы земля великая и бывали ис сибиряков и людей видели, чего ради вам о том разведать подлинно в Якуцке и, какое уведомление получите, о том обстоятельно сообщить афицеру, которой будет назначен в вояж от Пены реки х Камчатке»⁴.

Любопытно отметить, что на карте полярных областей, начертанной в 1763 году гениальным Михайло Васильевичем Ломоносовым (приложение к его труду «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию»), к северу от Чукотского полуострова был показан большой остров Сомнительный. Местоположение этого острова очень близко к расположению острова Врангеля.

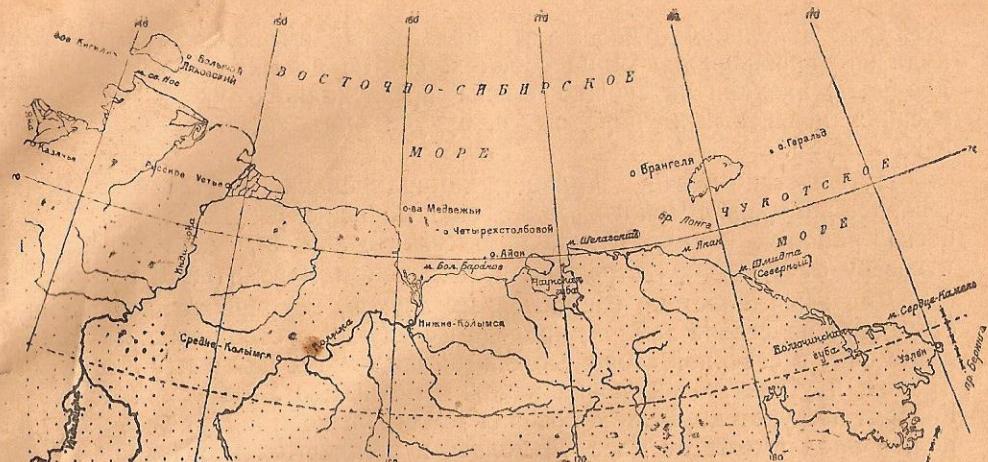
В начале 60-х годов XVIII столетия желание открыть неизведанные

¹ Г. Ф. Миллер, Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных. «Сочинения и переводы, в пользу и увеселению служащие». СПб., 1758.

² В. Ю. Визе, Земля Андреева. «Arctica», кн. 1, стр. 9, Изд. Всесоюзного арктического института, Л., 1933, стр. 9.

³ Экспедиция Беринга. Изд. ГАУ НКВД СССР, М., 1941, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 156.

Побережье Восточно-Сибирского и Чукотского морей.

края побудило сибирского губернатора Соймонова поручить полковнику Пленинеру заняться поисками «общирных земель», лежащих в море к северу от Чукотского полуострова.

В 1763 году Пленинер послал на Медвежьи острова геодезии сержанта Андреева, а на Чукотский полуостров чукчу-толмача (переводчика) Николая Дауркина. Сведения, собранные ими, не имеют прямого отношения к острову Врангеля. Однако, как это выяснится ниже, они сыграли существенную роль в его истории, надолго направив исследователей по ложному пути.

Сержант Андреев из Нижнеколымска вышел в марте 1763 года в сопровождении казака Федора Татарина и юкагира Ефима Коновалова. По льду они добрались до Медвежьих островов. Поход дальше на север осуществить не удалось. Недостаток корма для собак вынудил Андреева вернуться обратно в Нижнеколымск. Однако пылкое воображение сержанта восполнило пробел в фактических наблюдениях. По возвращении Андреев сообщил, что он и его спутники на одном из Медвежьих островов всходили на верх горы и смотрели во все стороны: «в полуденной стороне камень, который, по мнению их, был колымским, и в восточной стороне несколько к северу видна была только синь или чернь, но что она такое, море или матерая земля, сказать не могут»¹.

В 1764 году Андреев вновь был послан на розыски неведомой земли. Но и это путешествие не дало сколько-нибудь достоверных результатов. Однако составленное в 1765 году донесение Биллингсу гласило: «В 1764 году сержант Андреев с последнего из Медвежьих островов

¹ В. Ю. Визе, Земля Андреева. «Arctica», кн. 1. Изд. Всесоюзного арктического института, Л., 1933, стр. 13.

стрел в великой отдаленности полагаемый им величайшим остров, и отправился льдом на собаках. Но, не доехавшего того верст за пятьдесят, наехали на свежие следы превосходного числа на оленях неизвестных народов и, будучи малолюдны, возвратились «льму»¹.

Путешествие чукчи Дауркина, командированного Пленингером на сиюное побережье Чукотки, дало еще меньшие результаты, так как в рапорте, кроме чукотских легенд о землях, якобы лежащих вверу от чукотских берегов («в Колымском море»), ничего не было. Для характеристики баснословных слухов, ходивших о якобы существующих на севере землях, приведем следующее сообщение Дауркина: «есть в северной стороне олениные люди, коих называют эти чукчи «вой», и у тех людей копья и ножи медные, а медь у них красная. Прятят по чукотски. Есть же особая земля, на коей живут весь женский и плод имеют от морской волны, и рождаются все девки»².

Итак, в первом походе Андреев со спутником видел только «синь» «чернь». Второй раз Андреев увидел с одного из Медвежьих островов «величайший остров», а затем, не доходя до этого острова в двадцать, возвратился, испугавшись множества следов на льду. Упоминание это более чем маловероятно. Находясь в 20 верстах от берега, который был якобы виден даже в «великой отдаленности», никто мог бы разглядеть его более обстоятельно. Между тем в путевых юдениях (которые, кстати, излагались крайне обстоятельно, чаще с солидной долей вымысла) напрасно искать подробностей сказанной земле. Их просто нет³.

Как бы то ни было, сообщение сержанта Андреева о «величайшем острове», обнаруженному к северу от Медвежьих островов, привлекло внимание исследователей; тем самым на много лет было отсрочено открытие острова Врангеля.

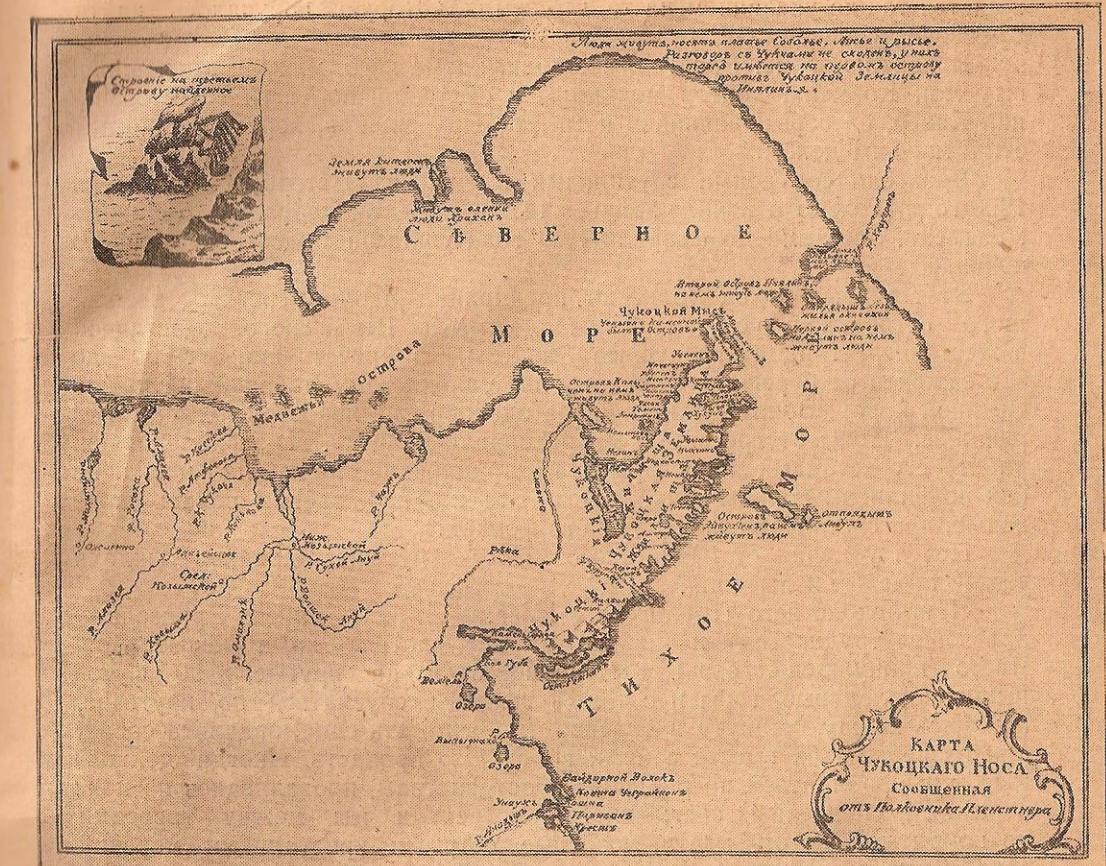
«Землю Андреева» искали долго и упорно.

В 1769—1771 годах на розыски ее трижды ходили геодезии практики Леонтьев, Лысов и Пушкарев. Во второе путешествие, по их словам, они ушли в море на 170 километров к северу от Медвежьих островов, но никакой земли не обнаружили. Провал нашумевшей легенды, конечно, разочаровал исследователей — до начала XIX века новые попытки разыскать земли к северу от берегов Чукотки не предпринимались. Во всяком случае мы о них не знаем, они не оставили следов. В начале XIX века поисками Земли Неизвестанной занялся лейтенант Российского флота Ф. П. Врангель. В инструкции Государственного Адмиралтейского департамента Ф. П. Врангелю предписывалось идти

¹ В. Ю. Виаэ. Земля Андреева. «Arctica» кн. 1. Изд. Всесоюзного научного института, Л., 1933, стр. 13.

² Л. Гельмерсен. К вопросу об открытии Врангелевской земли. Изд. географического общества, XII, 1876.

³ В. Ю. Виаэ высказывает соображения, что второе донесение Андреева было дано Пленингером. См. «Моря Советской Арктики», Л., 1936, стр. 338.

Карта Пленинера с нанесением «открытий» сержанта Андреева.

«для описи берегов от р. Колымы к востоку до Шелагского мыса и от него на север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недальном расстоянии» (курсив наш. — А. М.). Из этого видно, что Ф. П. Врангель искал землю к северу от берегов Чукотки по прямому указанию Адмиралтейства.

При выборе маршрута этой выдающейся экспедиции несомненно сказалось влияние все тех же злосчастных донесений сержанта Андреева, так как сам Врангель начал свои поиски к северу от мыса Большой Баранов и именно здесь он прсявил наибольшее упорство. Хотя в инструкции место начала поисков отнесено несколько к востоку от Медвежьих островов, но и в ней, несомненно, имелась в виду та самая земля, о которой упоминал в своих донесениях Андреев. Это подтвер-

ждается также указанием на то, что земля, которую поручалось найти Врангелю, «обитаема»¹.

В партию Ф. П. Врангеля входили, кроме него, мичман Матюшкин, штурман Козьмин, доктор медицины и сведущий по части естествознания Кибер, слесарь Иванников и матрос Некорошков, хорошо знакомый с плотничным делом.

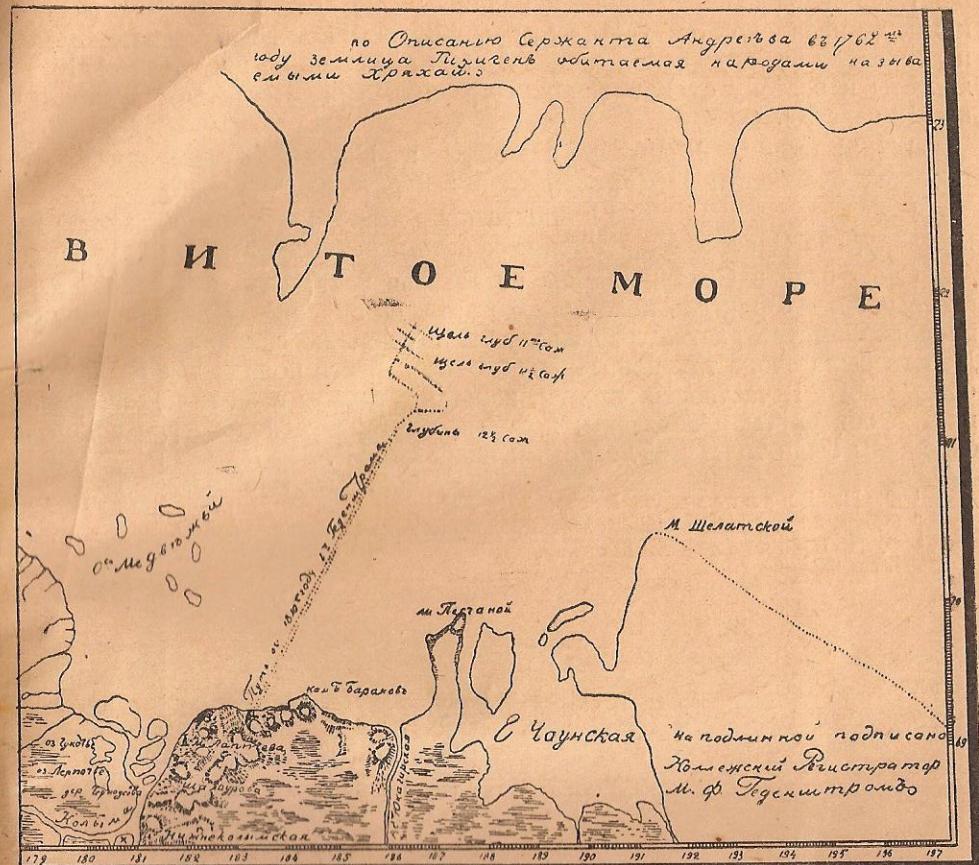
Врангель со своими спутниками выехал из Петербурга 4 апреля 1820 года. Только в начале зимы — 14 ноября — он добрался до Нижнеколымска. Вся зима до февраля 1821 года ушла на подготовку санного похода.

Этот первый поход Врангель предпринял вдоль берега от небольшого островка в устье Колымы до мыса Шелагского. Двигались в жестокие, тридцатиградусные морозы, в расстоянии от 50 до 300 саженей от берега по морскому льду, покрытому твердой и гладкой снежной корой. Вокруг убийственное однообразие необозримой снежной равнины. Чтобы отогреться чаем, разбивали палатку. Из-за холода, при работе с секстанами к инструментам примерзала кожа пальцев, и на них появились незаживающие раны. Все же наблюдения велись даже ночью, при свете маленького ручного фонаря.

Почти у цели — у Шелагского Носа — путешественников ждали самые тяжелые испытания.

«Путь около него (Шелагского Носа. — А. М.), — писал Врангель, — превзошел трудностями и опасностью все, доселе нами испытанное. Часто принуждены были мы карабкаться на крутые, в 90 футов вышиною, ледяные горы и с такой вышины спускаться по крутизне, находясь каждую минуту в опасности переломать сани, задавить собак, или низвергнуться вместе с ними в ледяную пропасть. Иногда должны мы были пробираться по большим пространствам, проваливаясь по пояс в рыхлый, наносный снег; иногда встречали мы между торосами не покрытые снегом места, усеянные острыми кристаллами морской соли, отдирающими лед с полозьев нарт и до того затруднявшими езду, что мы должны были сами запрягаться и вместе с собаками, с величайшими усилиями, тянуть сани, чтобы не остаться на дороге. Нагроможденные одна на другую льдины заслоняли нам мыс. В тех местах, где мы приближались к берегу, состоял он из черной, плотной и блестящей, неизвестной мне каменной породы, и являлся в виде правильных, наклонно лежащих столбов, до 250 футов вышиною, между которыми кой-где проглядывали, в несколько сажен ширины, полосы белого мелкозернистого гранита. Мрачные, черные утесы, веками нагроможденные, никогда не растаивающие ледяные горы, необозримое, вечным льдом

¹ Следует отметить, что по прибытии в Нижнеколымск у Врангеля возникли сомнения в достоверности «открытий» Андреева. Еще перед первым путешествием на север на основе опроса чукчей, произведенного помоющим Врангеля — мичманом Матюшкиным, он пришел к выводу, что «отзывы чукчей делали невероятным открытие земли, которая, по предположениям, видна с их берегов». Однако только по возвращении в Петербург Врангель подверг исчезающей критике утверждения сержанта Андреева.

Карта Геденштрома 1812 года, на которой все еще значатся «открытия» сержанта Андреева.

скованное море, все освещенное слабыми скользящими лучами едва поднимавшегося над горизонтом полярного солнца, совершенное отсутствие всего живущего и ничем не прерываемая могильная тишина представляли нам картину как будто мертвой природы, которой описать невозможно. Казалось, мы достигли пределов живого творения»¹.

И все же Врангелю удалось обследовать берег еще километров на пятьдесят к востоку. Здесь он записал в своем журнале: «Марта 6-го (18) 1821 года... При совершенном недостатке всякого рода припасов не было возможности продолжать путь; я принужден был обратиться отсюда назад, довольствуясь на сей раз открытием, что берег Азии, миль на 40 к востоку от Шелагского мыса, имеет юго-восточное направление. Мы

¹ Ф. П. Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—1824 гг. СПб., 1841, т. 1, стр. 318—319.

обозначили предел нашей поездки пирамидою, сложенною из больших камней, недалеко от устья ручья, на довольно значительном холме, и определили его положение в $70^{\circ}00'37''$ северн. широты и $171^{\circ}47'$ долготы к востоку от Гринвича. Пирамида сия отстоит от Сухарного на 418 верст»¹.

14(26) марта Врангель вернулся в Нижнеколымск, преодолев в общей сложности 1197 километров изнурительного пути.

Всего десять дней ушло на подготовку второго похода, на этот раз к северу, где Врангелю предстояло искать неведомую землю.

Свою базу в Сухарном — на островке в восточном рукаве колымского устья — Врангель покинул 26 марта (7 апреля) 1821 года. Почти на полкилометра растянулись двадцать две хорошо снаряженные нарты. Дорога была очень трудной. Правда, опыт первого похода дал Врангелю очень много. В частности, «нарты, каждая с грузом в 30-ть пудов, были плотно обвернуты и обвязаны; полозья, облитые несколько раз водой², снабжены были толстыми ледяными подрезами»³.

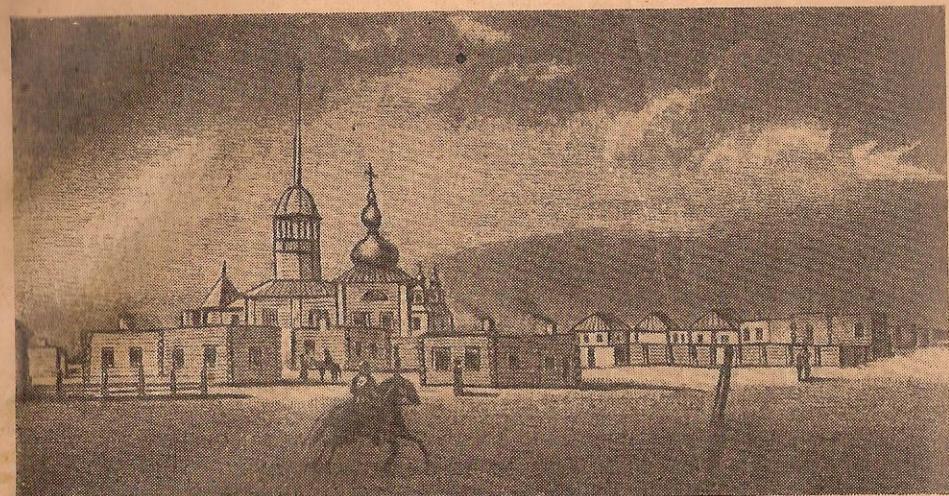
¹ Ф. П. Врангель, т. I, стр. 321—322.

² Обливая полозья водой, создают ледяные подполозки — войды.

³ Ф. П. Врангель, т. II, стр. 2.

Зашиверск — бывший уездный город на Индигирке, посещенный в 1820 году
Ф. Врангелем.

Нижнеколымск. По рисунку середины XIX века.

Миновав мыс Малый Баранов Камень, экспедиция вошла на морской лед и взяла курс на север.

У самого берега путешественники встретили большую гряду торосов. Преодолев ее, они увидели впереди необозримую, гладкую ледяную равнину. «Как острова среди океана, подымались на ней изредка отдельные блестящей белизны льдины. Надежда на быстрое и безостановочное путешествие изгладила у нас из памяти всякое воспоминание о перенесенных трудах. Сначала мы смотрели на ровную, неподвижную поверхность с приятным чувством, какое испытывает мореходец, выбравшись в открытый океан из опасных прибрежных отмелей. Вскоре, однакож, уверились мы в бесконечном различии между оживленным, беспрерывно движущимся океаном и убийственною однообразностью окружавшей нас ледяной пустыни, вид которой утомлял взор и наводил невольное уныние на человека»¹.

Два дня спустя набрели на небольшой остров, которому Врангель дал наименование Четырехстолбового. Здесь устроили дневку. Уже 31 марта (12 апреля) экспедиция продолжала свой путь на северо-восток.

Из-за ярких лучей солнца, отраженных гладкой снежной поверхностью, стали мучительно болеть глаза. Очки плохо помогали. Избегая ослепляющего солнечного света, Врангель продолжал путешествие ночами; они были достаточно светлы. Днем отряд отдыхал.

Вскоре по пути появились торосы, продвижение замедлилось, собаки выбивались из сил. Сооружая по льду промежуточные базы, Врангель сразу же отпускал опорожненные нарты обратно.

¹ Ф. П. Врангель, т. II, стр. 4—5.

Наконец осталось шесть нарт с продовольствием на две недели.

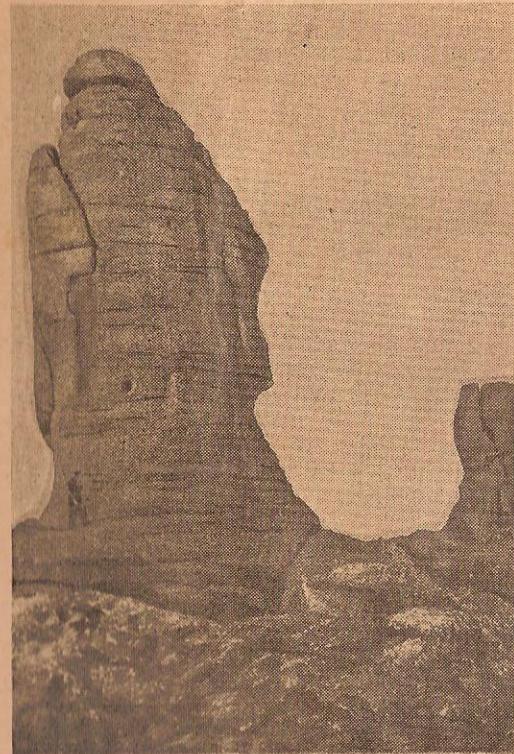
Дорога становилась все хуже и хуже, лед все тоньше, причем все чаще попадались участки, покрытые вязью трещин. Оставив Матюшкина с обозом, Врангель, взяв с собою две пустые нарты, несколько досок и лодку с веслами, в одиночку отправился на север, чтобы осмотреть лед впереди. Около 7 верст он проехал по сплошному рассолу, но вскоре пустил в ход доски, чтобы перебираться через трещины. И вот уже дальше двигаться невозможно. Врангель записывает в дневнике: «Бесчисленные, по всем направлениям разбегавшиеся во льду щели, выступившая из них мутная вода, мокрый снег, смешанный с земляными и песчаными частицами... все уподобляло разрушенную поверхность моря необозримому болоту... каждый несколько сильный шквал мог совершенно раздробить или разогнать поддерживавшие нас глыбы и превратить место, где мы стояли, в открытое море!»¹.

Увидя бесцельность своих поисков твердого льда, он возвратился к своим спутникам, чтобы попытаться найти другую, лучшую дорогу.

4 (16) апреля Врангель повернулся на юго-юго-восток. По его определению, он достиг широты $71^{\circ}43'$ и находился в 215 верстах от Малого Баранова Камня. На пройденном пути, кроме острова Четырехстолового, никакой земли обнаружить не удалось. Эти неудачи не обескуражили Врангеля. 5 апреля он отпустил грузовые нарты в Нижнеколымск, оставшись с шестью нартами и четырнадцатисуточным запасом продовольствия, и до 17 апреля делал попытки объехать область разлома льда. Только увидя полную тщетность своих попыток, он направился к Медвежьим островам и описал их.

28 апреля, после тридцатишестидневного путешествия, Врангель вернулся в Нижнеколымск, пройдя всего около 1300 километров по невероятно тяжелой, а подчас и опасной дороге.

¹ Ф. П. Врангель, т. II, стр. 21—22.

Кекуры на острове Четырехстоловом.

Год спустя Врангель снова отправился по льду на север — на этот раз от мыса Большой Баранов Камень.

«Трудность сегодняшнего путешествия превосходила все доселе нами испытанное», — записал Врангель 24 марта 1822 года. — С помощью пешней пробивались мы через гряду ллотных торосов, неимоверной вышины. Лед их был чрезвычайно тверд. Местами был он смешан с голубоватою глиною и крупным песком. Почти на каждом шагу ломались нарты и рвалась упряжь. Несмотря на все предосторожности, сани скользили с ладких хребтов торосов и падали в промежутки, подобные оврагам. Вытаскивать оттуда нарты, держась за узкой и скользкой полосе идии, стоило несказанных трудов»¹.

Спустя три дня штурману Козьмину померещилась в северо-восточном направлении земля. Брадованные путешественники устремились вперед. «Чем далее ехали мы, — пишет Врангель, — тем явственнее становились замеченные нами озыния, и скоро приняли они вид недалекой гористой земли. Холмы езко окраились; мы могли различать долины и даже отдельные утесы. Я уверяю вас, что после долгих трудов и препятствий открыли мы скому землю. Поздравляя друг друга с счастливым достижением цели, мы спешили далее, надеясь еще до наступления вечера вступить на желанный берег. Но наша радость была непродолжительна, и все прекрасные одежды наши исчезли. К вечеру, с переменой освещения, наша открытая земля подвинулась по направлению ветра на 40° , а через сколько времени еще обхватила она весь горизонт так, что мы, казалось, находились среди огромного озера, обставленного скалами и горами.

Потеряв едва родившуюся надежду, остановились мы в самом непривычном расположении духа на ночлег, проехав сегодня между торосами его 40 верст»².

¹ Ф. П. Врангель, т. II, стр. 153—154.
² Там же, стр. 157—158.

Ф. П. Врангель.

Достигнув к 10(22) апреля 1822 года широты $71^{\circ}52'$, Врангель не решился идти дальше: собаки к этому времени были изнурены до крайности, настры, неоднократно ломавшиеся, почти пришли в негодность.

Все же Врангель направил на разведку Матюшкина. Матюшкин прошел на север от места остановки еще около 10 километров и достиг границы припая. Вот как описывает Матюшкин открывшееся ему зрелище: «Ледовитое море свергало с себя оковы зимы; огромные ледяные поля, поднимаясь почти перпендикулярно на хребтах бушующих волн, с треском сшибались и исчезали в пенящейся пучине и потом снова показывались на изрытой поверхности моря, покрытые илом и песком. Невозможно представить себе что-нибудь подобное сему ужасному разрушению»¹.

Позже Матюшкин установил, что к западу лед как будто бы более проходим. Врангель попытался продвинуться туда. От места остановки экспедиция направилась на вест-норд-вест, но ушла недалеко. Врангель пишет: «Проехав только шесть верст, заметили мы, что лед сделался весьма тонок, щелист и во многих местах покрывался рассолом, что было несомненным признаком скорой разломки льда. Я не смел ехать далее, особенно при северном ветре, все более и более усиливавшемся...

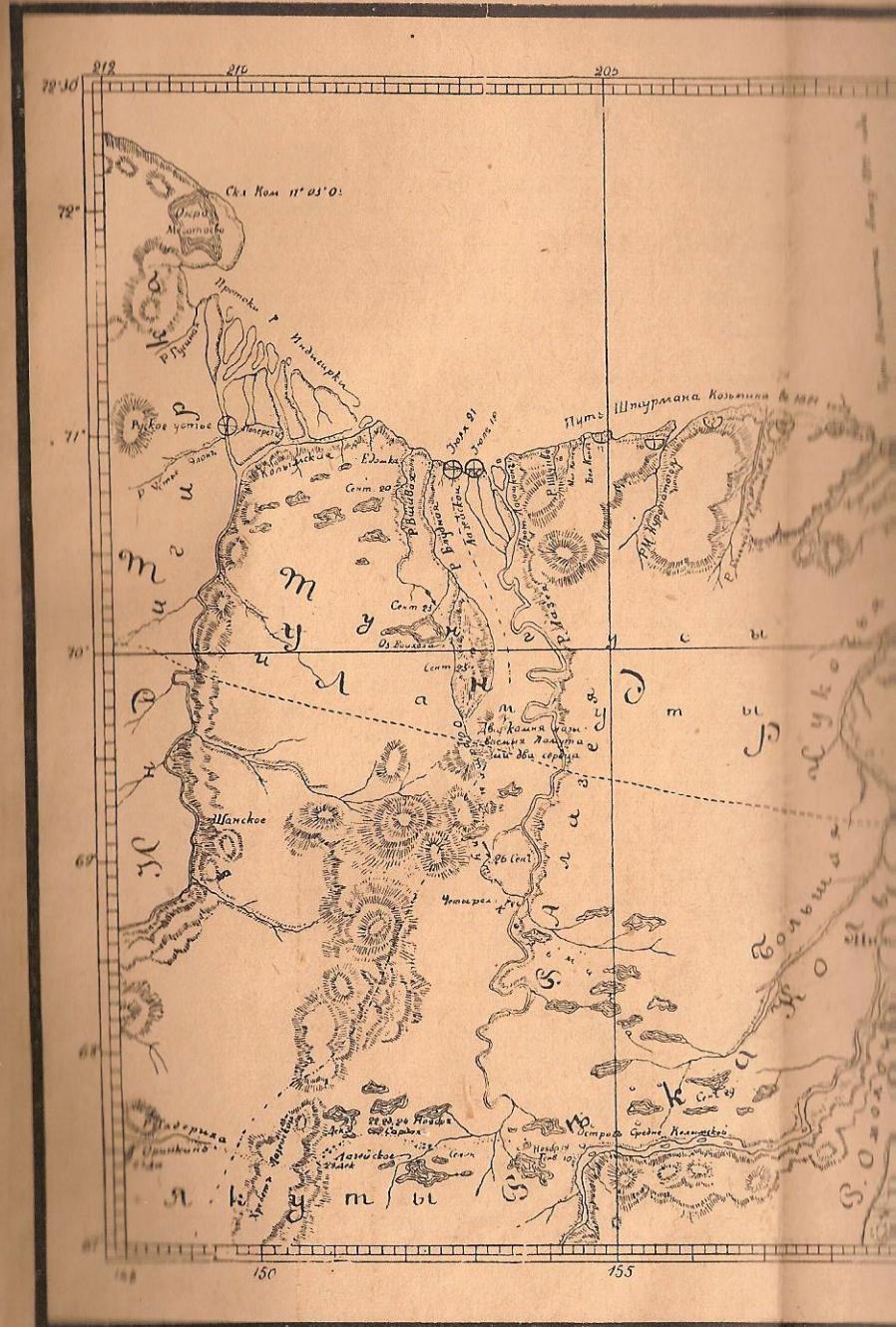
Мы находились на $72^{\circ}2'$ широты, в 262 верстах прямо на север от Большого Баранова Камня»².

Экспедиция повернула обратно. Только 1(13) мая Врангель достиг берега между Большим и Малым Барановыми Камнями. 5 мая, после пятидесятисемидневного отсутствия, он прибыл в Нижнеколымск, пройдя в общей сложности 1500 километров труднейшего пути.

Весной 1823 года Врангель предпринял новое путешествие по льду на север; несмотря на неудачи предыдущих походов, он не оставил мысли найти таинственную землю. Исходным пунктом на этот раз Врангель выбрал мыс Шелагский. Сюда он прибыл со своими спутниками 20 марта. На мысу состоялось его знакомство с чукчами. Случайная встреча с одним из чукчей привела к знакомству с несколькими семействами чукчей, пришедших к мысу Шелагскому с целью промысла. Среди них особенное внимание привлек старик. «Его смелые и быстрые движения обнаруживали сильное телосложение, а маленькие блестящие глаза выражали мужество и самонадеянность»³. Старик оказался камакаем (вождем) чукотских племен, обитавших по берегам Чунской губы.

21 марта камакай вновь посетил путешественников. Завязался оживленный разговор. Камакай оказался по-своему очень сведущим человеком. Убедившись, что чужеземцы не имеют враждебных намерений к его родине, он охотно рассказывал о характере берега, о наличии островов у берега, показав отличное знание местности.

После долгой беседы Врангель спросил, нет ли какой-нибудь земли в море к северу от берегов его родины. Сообщение старика-чукчи

¹ Ф. П. Врангель, т. II, стр. 166—167.

² Там же, стр. 168—169.

³ Там же, стр. 288.

долгота отъ гринвича W^o

200

195

150

18

180

МЕРКАТОРСКАЯ КАРТА

ЧАСТИ СЪВЕРНАТО БЕРЕГА

СИБИРИ.

КЪ ПУТЕШЕСТВИЮ ЛЕЙТЕНАНТА ВРАНГЕЛЯ

ВЪ 1820, 21, 22 и 23 ГОДАХЪ .

F

W. C. L. - 1900

Места определенные по обервационным широтам и долготам

Места, определенные по обсервации
известно широтамъ

Северный пределъ лесовъ
Границы

100

703
ДОЛГОТА ОТЪ ТРИНВИЧА 0°

170

124

19

— 4 —

Часть приложенная к I изданию книги Ф. Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю». 1841 г.

следует признать первым относительно достоверным известием об острове Брангеля. «Между мысом *Ерри* (Шелагским) и *Ир-Кайпио* (Северным)¹, близ устья одной реки с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы, но зимой, однажды, их не видно. В прежние годы приходили с моря, вероятно оттуда, большие стада оленей, но, преследуемые и истребляемые чукчами и волками, теперь они не показываются. Сам он однажды преследовал в апреле месяце целый день стадо оленей на своих санях, запряженных двумя оленями, но в некотором отдалении от берега морской лед сделался столь неровен, что он принужден был возвратиться. По мнению камакая, виденные с берегов горы находились не на острове, а на такой же пространной земле, как его родина. От отца своего слышал он, что в давние времена один чукотский старшина с своими домочадцами поехал туда на большой кожаной байдарке, но что там нашел он и вообще возвратился ли он оттуда — неизвестно»².

Позже другие чукчи подтвердили этот рассказ спутникам Брангеля и указывали на мыс Якан как на место, с которого им удавалось наблюдать эту далекую землю.

25 марта 1823 года Брангель достиг устья реки Веркон. Отсюда он

¹ Мыс Северный теперь именуется мысом Шмилта.

² Ф. П. Брангель, т. II, стр. 291—292.

Сообщенное старшиной Брангелю предание о переселении на далекую землю в давние времена какого-то старшины со своими домочадцами на большой кожаной байдаре заслуживает внимания, как более или менее достоверное. В 1937 году геолог Л. В. Громов, обследовавший остров Брангеля на мысе Блоссом, по указанию Тайна, осмотрел остатки древнего поселения. По рассказу Л. В. Громова, он обнаружил остатки жилища, вкопанного в землю и обложенного изнутри бревнами плавника. Крыша жилья обвалилась внутрь. Произведенные им элементарные поиски дали любопытные результаты: он нашел остатки различных орудий — костяной наконечник копья, древко копья или гарпуна, остатки деревянных лопат, детскую костяную игрушку, стеклянную бусину и т. п. Остатки жилья напоминали какую-то архаическую постройку, которую могли воззвести лишь люди, незнакомые с элементарной строительной техникой нашего времени. По своей форме эти постройки сходны с жилищами береговых чукчей, которые русские наблюдали в XVIII веке во время походов майора Павлуцкого. Напомним, что в объявлении сотников Анадырской команды Попова, Нижегородова, Павлова, пятидесятников Русанова и других, которые в походе 1774 года встречали «немирных» береговых чукчей на берегу Восточно-Сибирского и Чукотского морей, значится: «Что же принадлежит до сидячих около моря и вокруг тех оленных живущих чюкч, то у оных есть юрты, выкопанные в земли, деревянные, а лес на строение берут из паносу с моря на берегу на припайках и ездят на собаках» («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке». «Сборник архивных материалов». Л., 1935, стр. 165).

Почти точно такое же описание юрты береговых чукчей имеется в «Показании о чукоцкой земле» бывшего в плену у чукчей козака Кузнецкого (1756). Находясь в плену с 1754 по 1756 год, козак Кузнецкий побывал вместе со своим хозяином, чукчею Мого, в разных местах Чукотки: В его рассказах есть описание юрты: «Называемые сидячие около моря чюкчи, т. е. кои оленей не имеют, а ездят на собаках, у оных юрты вкопанные в земли деревянные, лес на строение берут из паносу с моря на берегу на припайках» (там же, стр. 182).

Остатки жилья на острове Брангеля, найденные Л. В. Громовым, напоминают только что описанные постройки береговых чукчей.

решил еще раз сделать попытку добраться к неведомой земле, которая так долго ускользала от него.

И на этот раз путь оказался до предела трудным. Торосы путешественники вынуждены были пробивать пешнями. Были дни, когда продвигались только на 5—6 километров. В одну из ночей сильный штурм разломал на большом протяжении лед и привел его в движение. Экспедиция очутилась на отдельной льдине величиной всего лишь метров сто в поперечнике. «Льдина, на которой находились мы, носилась по морю,— пишет Врангель.— Так провели мы часть ночи, в темноте и ежеминутном ожидании смерти. Наконец, наступило утро, и ветер сплотил нашу льдину с другими, так что вечером 18 (30) марта были мы снова на неподвижной ледяной поверхности»¹.

Испытывая невероятные трудности, отважные путешественники 23 марта (4 апреля) достигли $70^{\circ}51'$ широты и $175^{\circ}27'$ восточной долготы. В этой точке путь преградила полынь, имевшая в узких местах до 300 метров, причем ветер расширял эту полынь. Скорость течения в ней достигала полутора узлов. Итти дальше было невозможно, так как полынь простиралась на запад и восток до краев горизонта.

«Мы влезли,— пишет Врангель,— на самый высокий из окрестных торосов в надежде найти средство проникнуть далее, но, достигнув вершины его, увидели только необозримое открытое море. Величественно-ужасный и грустный для нас вид! На пенящихся волнах моря носились огромные льдины и, несомые ветром, набегали на рыхлую ледяную поверхность, по ту сторону канала лежавшую...

С горестным удостоверением в невозможности преодолеть поставленные природою препятствия исчезла и последняя надежда открыть предполагаемую нами землю, в существовании которой мы уже не могли сомневаться. Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности. ...Бороться с силою стихии и явной невозможностью было безрассудно и еще более — бесполезно. Я решился возвратиться»². По возвращении на берег экспедиция прошла с описью на восток от устья реки Веркон до Колючинской губы.

8 (20) апреля 1823 года Врангель вышел на мыс, далеко вдающийся в море. Он пытался отсюда разглядеть загадочную землю. Об этом Врангель записывает в своем дневнике:

«Апреля 8-го(20) погода была ясная; поутру и вечером было не более 3° холода, а в полдень 2° тепла. Проехав 7 верст по берегу, возвышенному на 60 футов, мы достигли довольно далеко вдавшейся в море скалы. ...Положение скалы определилось в $69^{\circ}41'32''$ широты и $176^{\circ}32'$ долготы. Долго наблюдали мы горизонт в надежде открыть на север землю, которую, по рассказам чукчей, можно было отсюда видеть. Не открыв ни малейших признаков ее, мы поехали далее...»³.

¹ Врангель, т. II, стр. 297—298.

² Там же, стр. 301—302.

³ Там же, стр. 315—316.

Некоторые авторы (В. Ю. Визе, Г. А. Ушаков) считают, что место, с которого

Этот маршрут был последним. Спустя год Врангель вернулся в Петербург. Отважному исследователю и его спутникам так и не удалось обнаружить землю к северу от Чукотского берега, однако материалы, собранные во время трехкратного путешествия на север по льдам, поселили твердую уверенность в ее существовании. Этот остров был изображен на составленной Врангелем карте к северу от мыса Якан со следующей надписью: «Горы видятся с мыса Якан в летнее время».

Вероятное местоположение гипотетической земли, как выяснилось позже, было предсказано Врангелем очень точно.

После неудачи Врангеля интерес к неведомой земле, затерянной во льдах, вновь ослабевает. О ней забывают надолго, — в течение почти восьмидесяти лет на розыски острова не снарядили ни одной экспедиции. Но — такова ирония судьбы! — то, что не удалось найти исследователям, было случайно открыто моряками, николько не интересовавшимися изысканием новых земель.

В 1848—1849 годах начались усиленные поиски бесследно исчезнувшей экспедиции Джона Франклина, отправившейся в 1845 году через Баффинов залив для открытия северо-западного прохода из Атлантического океана в Тихий. Долгое отсутствие сведений об этой экспедиции побудило английское адмиралтейство послать суда с заданием обследовать берега и воды к северу от Берингова пролива, там, где в тихоокеанские воды должны были выйти суда Джона Франклина.

В августе 1849 года одно из посланных судов, «Геральд», под командованием капитана Г. Келлета, крейсировало к северу от чукотских берегов. 17 августа матрос, находившийся в бочке на марсе, неожиданно увидел в отдалении землю.

Один из очевидцев так описывает этот волнующий миг:

«17 августа в 9 часов 40 минут вечера мы услышали с марса много-

Врангель пытался рассмотреть землю на севере, является мысом Якан. Это утверждение, кажется нам, не соответствует действительности, так как мыс Якан находится на $69^{\circ}36'$ северной широты и $177^{\circ}24'$ восточной долготы, тогда как Врангель указывает $69^{\circ}41'32''$ северной широты и $176^{\circ}32'$ восточной долготы. Если даже допустить поправку на несовершенство инструментов, которыми пользовался Врангель, то все же ошибка не может быть столь большой: 5 минут широты и 52 минуты долготы.

Кроме того, описание места, с которого Врангель пытался разглядеть землю в океане, отнюдь не сходится с описанием мыса Якан. Врангель пишет: «Проехав 7 верст по берегу, возвышенному на 60 футов, мы достигли довольно далеко вдавшейся в море скалы». Между тем мыс Якан, согласно локации Чукотского моря 1938 года, «представляет собой тупой выступ берега в море в виде низкой галечно-песчаной косы, очень плохо различимой с моря, вследствие чего за мыс обычно принимают оконечность горы Якан, обособленное положение которой делает ее хорошо приметной. Эта гора имеет высоту около 150 метров, вершина ее округла, склоны пологи и покрыты каменистыми осьями темного цвета... Между подошвой горы и берегом моря имеется узкая полоса тундры с незначительными лагунами» («Локация Чукотского моря», Л., 1938, стр. 67).

Очевидно, свои наблюдения Врангель производил с возвышенного берега на расстоянии 10—12 миль к востоку от мыса Биллингса. Здесь возвышенности подходят к самому морю и образуют обрывистый берег, отделенный от воды только узким песчаным приплеском, который зимою покрыт снегом и надвинувшимся льдом и потому совершенно незамечен.

значительный крик: «Земля!» Идя вдоль льдов навстречу нашему первому открытию, мы увидели с высоты марса группу островов, которая занимала значительное расстояние. Льдины лежали здесь не так близко друг к другу, всюду были видны проходы, ведшие прямо к островам. Однако они оказались слишком мелки¹ для нашего корабля. Эти маленькие острова были временами видны очень ясно и находились от нас довольно близко. С палубы мы заметили еще одну большую высокую землю, про которую говорил капитан Келлет, что он некоторое время напряженно рассматривалася в нее, боясь, что только он один ее воспринимает. Атмосфера была кругом светлой и чистой — такой, какая встречается только в этом климате. Только в направлении земли клубились огромные массы туч, сквозь разрывы которых виднелись высокие вершины с ясно выступавшими колоннами, пиластрами и закругленными формами, характерными для здешних мест. То, что я вначале принял за группу островов, оказалось вершиной большой земли.

Этот остров или мыс находился на расстоянии 25 миль от корабля. Возвышенные части были удалены от нас, по моей оценке, не менее чем на 60 миль. В то время как мы лавировали, идя к этой земле, был момент, когда ее северная вершина выступила с такой ясностью, что те, которые сначала сомневались, воскликнули: «Да, сэр, это действительно земля!»²

В тот же день «Геральд» подошел к небольшому островку. Келлет назвал эту землю в честь своего судна островом Геральд. Группа британских моряков высадилась на берег и произвела беглый осмотр.

Подойти к большой земле, видневшейся на западе, не удалось, так как она, по словам Келлета, была блокирована тяжелыми льдами. Небольшие островки, усмотренные с острова Геральд, назвали островами Пловер, а большая земля, существование которой все же ^{всаже} залось Келлете сомнительным, была предположительно занесена на карту под названием Земли Келлета. Впоследствии выяснилось, что небольшие острова, виденные англичанами, на самом деле представляют собой горные вершины острова Врангеля, а сомнительная земля — массив самого острова. Месторасположение ее по широте в точности совпадало с местом гор, нанесенных на карте Врангеля, однако по долготе отстояла от них миль на сто.

Келлета и его спутников следует считать первыми европеизцами, которые видели остров Врангеля, — большая земля, лежащая к западу от острова Геральд, могла быть только островом Врангеля. Однако Келлета настолько поглотило решение его основной задачи — поиски экспедиции Франклина, что обнаруженная им обширная земля осталася вне интересов его экспедиции. Он не предпринял серьезных попыток исследовать увиденную землю и даже не нанес ее как следует на карту.

Спустя шесть лет американец Роджерс, плававший в Восточно-Сибирском море на военном гидрографическом судне «Винсент», прошел

острова (мыс Гавай), последовала на север вдоль восточного берега земли.

Шлюпка вначале продолжала свое плавание успешно, но чем дальше уходила она на север, тем труднее становилось плавание. Сначала по пути встречались отдельные льдинки, а затем пошли почти сплошные поля. У крайнего северо-восточного мыса, который был назван мысом Уэлинг, путь морякам преградили совершенно непроходимые льды, сковавшие шлюпку. Высадившись в устье ручья, спадавшего с восточных склонов массива мыса Уэлинг, они несколько дней тщетно ожидали, не разойдется ли лед. Оставив шлюпку, они отправились на юг пешком¹.

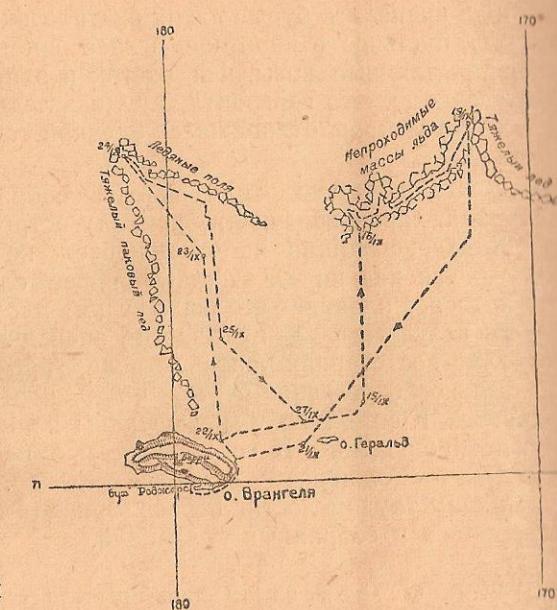
Поход партии мичмана Хента на шлюпке под парусами был более удачен. Ей удалось обследовать все южное, западное и часть северного побережья. Только приблизительно у косы Муштакова ей встретились непреодолимые льды.

В результате этих двух походов на карту была нанесена почти вся береговая черта острова. Только сравнительно небольшой ее северный участок от косы Муштакова до мыса Уэлинг остался необследованным.

Капитан Берри посетил внутреннюю область острова. Он пересек южную гряду гор, добрался до центрального узла и поднялся на одну из самых высоких вершин острова, названную впоследствии по его имени — пиком Берри. Он определил барометрически высоту вершины, — она оказалась равной 760 метрам. С вершины этого пика открылась картина, «не оставляющая никаких сомнений, что Берри и его спутники находятся не на земле, а на острове. Весь остров виден с этой вершины, как на ладони, за исключением небольшого района в юго-западном направлении, скрытого цепью гор значительной высоты. Остров имел продолговатую форму и тянулся в направлении с запада на восток. Во всю его длину рядами отдельных вершин тянулись три цепи гор, покрытых снегом и изрезанных долинами, с которых стекали ручьи. Кое-где на южных

¹ То есть узки.

² Арктические походы Джона Франклина. Изд. Главсевморпути, Л., 1937, стр. 143.

Крейсерство «Роджерса» к северу от островов
Врангеля и Геральд. 1881 г.